

Владимир
ЖЕЛЕЗНИКОВ

Жизнь
и приключения
ЧУДАКА

Библиотека школьной классики

Владимир Железников

Жизнь и приключения чудака

«ЭКСМО»

1974

УДК 821.161.1-31-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Железников В. К.

Жизнь и приключения чудака / В. К. Железников — «Эксмо»,
1974 — (Библиотека школьной классики)

ISBN 978-5-04-250377-1

«Библиотека школьной классики» — элегантная, изящная серия книг, необходимых в каждом доме. Каждый том серии — это встреча с прекрасным, которая запомнится навсегда. Подарочное издание. Твёрдый переплёт с вырубкой и тиснением фольгой. Белая бумага. Чёткий удобочитаемый шрифт. Шестиклассника Борю, главного героя повестей Владимира Железникова, многие считают чудаком. И он даже слегка гордится этим: «Иногда даже хочется сделать что-нибудь хорошее, но специально отказываешь себе в этом, чтобы не подумали, будто я поддался воспитанию. Я, например, плохо учусь, потому что у нас все учатся хорошо». Но однажды Борю назначают вожатым к первоклассникам, и всё в его жизни очень круто изменяется... Книги известного детского писателя Владимира Железникова очень популярны у школьников нескольких поколений. Ведь в них говорится о том, что важно во все времена: о дружбе и искренности, о проблемах взросления и умении принимать решения, о том, как важно признавать свои ошибки и дорожить теми, кто тебе доверяет.

УДК 821.161.1-31-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-250377-1

© Железников В. К., 1974

© Эксмо, 1974

Содержание

Тетрадь с фотографиями	7
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Владимир Карпович Железников

Жизнь и приключения чудака

© Железников В. К., наследники, текст, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Тетрадь с фотографиями

Ванда, варвар, гунн! Но в отличие от них на тебе лежит печать цивилизации нескольких столетий! Может быть, ты считаешь, это не имеет значения? Посмотрим, посмотрим...

Из высказывания тёти Оли в мой адрес

Эта история началась с того, что отец, уезжая в командировку, поручил мне купить подарок маме ко дню рождения. Он оставил целых десять рублей, но, прежде чем удалиться, всё же спросил:

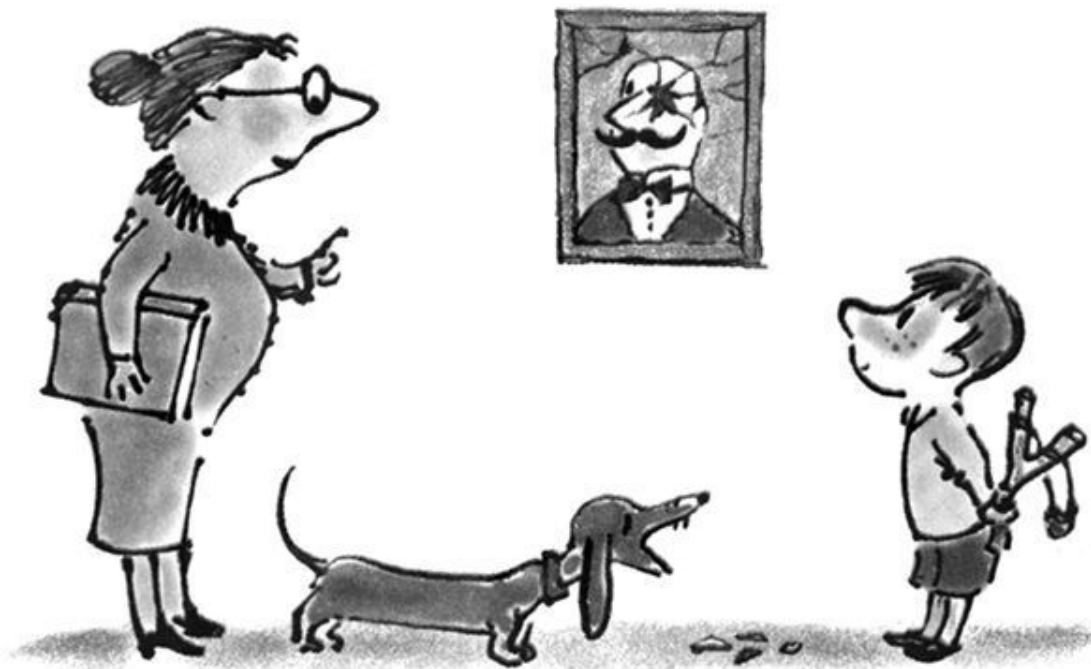
– Надеюсь, ты меня не подведёшь?

Я, конечно, успокоил его самым решительным образом.

Если бы с нами рядом была тётя Оля, то она обязательно сказала бы под руку: «Неисправим дух хвастуна!»

Это я-то хвастун?! Посмотрим, посмотрим...

Да! Вы же не знаете тёти Оли. Это наша родственница и домашняя прорицательница. Она учительница литературы в отставке, ей уже за шестьдесят. Между прочим, большая благодетельница: уступила мне свою комнату, а сама переехала к сестре на другой конец Москвы. Получается, что она ничего, не тычет в нос своей добротой, как другие. Ну, отдала комнату и отдала и не напоминает. Но зануда! У-у-у, зануда номер один.

Она воспитывала меня с пелёнок: говорят, запрещала писаться и плакать. И вроде бы ей удалось кое-чего добиться, но я думаю, это легенда, которую она распространяла сама. Не верится, чтобы я с моим характером поддался ей. Ни за что!

В общем, она умоталась, и слава богу, потому что я не люблю, когда меня постоянно воспитывают. Иногда даже хочется сделать что-нибудь хорошее, но специально отказываешь себе в этом, чтобы не подумали, будто я поддался воспитанию. Хотя тётя Оля это делает хитро и незаметно.

Но меня не проведёшь. У меня глаз намётанный. Я давно усвоил: главное в жизни – не поддаваться, а то погибнет всякая индивидуальность. А её надо беречь.

Я, например, принципиально не собираю марки, потому что в нашем классе их собирают все; плохо учусь, потому что у нас все учатся хорошо. Как-то я сострил на истории, что урок выучил, но отвечать не буду. Правда, за это меня выгнали из класса и вклеили единицу, а отец обозвал балбесом и кричал, что я значение слова «индивидуальность» понимаю шиворот-навыворот.

Хе-хе-хе, если бы тётя Оля услышала словечко «умоталась»! Вот бы подняла шум: «Что ты делаешь с великим русским языком? Это же святыня святынь! На нём разговаривал сам Пушкин!»

Но оставим тётю Олю в покое.

Так вот, заметьте, уже на следующий день после отъезда отца я собрался идти за подарком. Я не люблю откладывать важные дела в долгий ящик.

Только я вышел на улицу, как встретил своего лучшего друга Сашку Смолина.

– Ты куда? – спросил Сашка.

– Никуда, – ответил я. – А ты?

– И я никуда, – сказал Сашка.

– А у меня, – сказал я, – есть десять рублей, – вытащил папину десятку и похрустел перед Сашкиным носом.

– Подумаешь! – сказал Сашка.

– Да это же мои собственные! – возмутился я.

– Ври, да не завирайся. Вот чем докажешь, чем?

Мне надо было остановиться и ничем не доказывать, но хотелось добить Сашку, и я небрежно сказал:

– Пошли в кино.

И разменял папину десятку.

А через несколько дней раздался междугородный телефонный звонок. Конечно, это звонил отец. Он беспокойный тип: стоит ему уехать, как тут же начинает названивать чуть ли не каждый день. Когда он узнал, что мамы нет дома, то стал спрашивать про подарок. Я сказал, что уже кое-куда ходил и кое-что видел.

– А куда? – дотошно спросил он.

Я ответил:

– Естественно, в магазин.

– А в какой?

– «Всё для женщин».

– Что-то я такого магазина не знаю, – сказал недоверчиво отец. – А ты, часом, не врёшь?

– Я? Ты что?!

А мне понравилось название «Всё для женщин». По-моему, прекрасное. А он так грубо: «Ты не врёшь?» Недаром тётя Оля говорила про него, что недоверчивость мешает ему наслаждаться жизнью.

– А где он находится? – продолжал он допрос.

– На улице Веснина. Как свернёшь, сразу по левую руку.

– Там всю жизнь была керосиновая лавка! – завопил папа.

– Её снесли, – храбро ответил я. – И выстроили новый магазин.

Ну а дальше в том же духе. Рассказал ему, как этот магазин выглядит и что там продают, а цены, цены, – куда там с нашей десяткой! Тут мой папаша почему-то тяжело вздохнул и повесил трубку.

А жаль! Я бы ему ещё многое порассказал, не дали мне до конца расписать прелести магазина «Всё для женщин».

Между прочим, я потом сходил на эту улицу Веснина. Папа оказался прав: там был хозяйственный магазин, и это вызвало у меня большое разочарование.

На всякий случай я вошёл в лавку и... почему-то купил там тюбик синей краски и кисть. Я бы не стал покупать, но в лавке никого не было, а продавец, сухонький зловредный старик, вцепился в меня хваткой бульдога и навязал.

Я думаю, он в этой лавке работал ещё до революции, а в то время, как известно, была конкурентная борьба, вот он и научился всучивать. А я без привычки растерялся: ухлопал ни за что ни про что ещё один рубль из папиной десятки.

Чтобы как-то успокоиться, я решил пустить краску в дело. Пришёл домой и выкрасил свою кровать в синий цвет. Получилось красиво. А то кровать старая, облупившаяся.

Правда, когда я закончил красить, мною овладело лёгкое сомнение, что моя работа может не понравиться маме. Она вполне могла придаться к тому, что синих кроватей не бывает. А почему, ответьте мне, почему не может быть синей кровати?

Мы встретились с мамой вечером. Нет, она меня не ругала, а просто отвесила хороший подзатыльник.

Не знаю, зачем применять в наше время такие забытые средневековые методы воздействия. Можно придумать что-нибудь пострашнее. Например, не подзывать к телефону, когда звонит Сашка, или выключать телевизор на самом интересном месте.

Рука у мамы тяжёлая, она преподаватель физкультуры, гимнастка, после её подзатыльников у меня голова по два часа гудит. Я проверял по часам. Как после посещения воздушного парада: ты уже дома, и тишина, и самолёты не летают, а в голове гул.

Тут, к счастью, зазвонил телефон.

Мама сняла трубку. Это звонила тётя Оля.

– Приезжай, полюбуйся, что наделал твой любимец! – кричала мама. – Он выкрасил кровать в синий цвет. Может быть, ты теперь скажешь, что у него тяга к живописи! «Не ограничивайте мальчика в фантазии (это она повторяла слова тёти Оли, передразнивая её), дайте ему простор».

Мама повесила трубку и посмотрела на меня. Она действительно была расстроена. С ума сойти, из-за какой-то кровати она готова была заплакать.

– Ну чего ты? – сказал я. – Из-за кровати...

– Да нет, – ответила она, – из-за тебя. Растёшь балбесом.

– Я обязательно исправлюсь, – сказал я. – Честное слово. Вот увидишь.

Мама безнадежно махнула рукой.

Эта безнадежность сильно меня огорчила. Я почти целый день об этом думал, но потом забыл. Московская суета!

...Как-то мы тащились с Сашкой в школу из последних сил. И вдруг нас нагнала незнакомая девчонка.

Она улыбнулась нам как старым знакомым и сказала:

– Здравствуйте, мальчики. Не узнаете? Я Настя Монахова.

А я её действительно не узнал, и Сашка тоже не узнал. Она училась с нами до четвёртого класса, а потом на год уехала. Я внимательно посмотрел на неё. Она была Настя Монахова, но какая-то новая.

А мы только перед этим решили пропустить первых два урока и придумали, что соврём, будто одинокой старушке стало плохо на улице и нам пришлось отводить её домой. Мы даже записку написали от имени этой одинокой старушки, и чтобы наш почерк не узнали, писали в две руки: букву – я, букву – Сашка.

Это всё я придумал, потому что такой случай был в моей жизни, но произошёл он не в будний день, а в воскресенье и я не смог им воспользоваться.

Правда, эта старушка жила в нашем доме, её звали Полина Харитоньевна Веселова, но мы с нею раньше не были знакомы. А в тот день, когда я её спас от почти неминуемой смерти, она пришла к нам с тортом на чаепитие и долго объясняла маме, какой я замечательный мальчик. Ну, и теперь мы написали записку её словами, теми, которые она говорила про меня маме.

Я ещё раз внимательно посмотрел на Настю Монахову и догадался, что меня в ней поразило: из мелюзги, замарашки она превратилась в настоящую красавицу. Вот что происходит с людьми, когда они долго отсутствуют!

И тут мне почему-то расхотелось пропускать уроки. И Сашке, видно, тоже, потому что он шёл рядом с прекрасной Монаховой и помалкивал.

– А ты, Саша, по-прежнему учишься в музыкальной школе? – спросила Настя.

– Он у нас знаменитый флейтист, – ответил я за Сашку.

– Молодец, – сказала Настя. – А ты, Боря, чем увлекаешься?

– Я? Исключительно ничем.

– Ну и неостроумно. В наше-то время ничем не увлекаться!..

– Ещё один воспитатель на мою бедную голову! – сказал я.

– Извини, – тихо ответила она. – Я не собиралась тебя воспитывать. Просто сказала то, что подумала. Мне тебя жалко стало.

Вот так она меня пригвоздила. А пока я ей собирался ответить, мы уже вошли в класс, и все ребята с любопытством набросились на Настю и оттеснили нас с Сашкой.

Мы сели за парту, но почему-то оба не спускали глаз с Монаховой.

Она нас просто околдовала. «Но посмотрим, поборемся, не на таких наскочила», – подумал я и тут же сделал всё наоборот.

Дело в том, что в этот день меня назначили вожатым в первый класс «А». Об этом сообщила Колобок, то есть наша старшая вожатая Нина, которую прозвали Колобком, потому что она толстуха и всегда что-нибудь жуёт. И представьте, я согласился. Именно из-за неё, из-за Насти.

Вот как всё было. Влетает, значит, в класс Нина, дожёвывая на ходу пирожок. Она у нас такая восторженная-восторженная и говорит всегда торжественно-торжественно, как будто выступает перед толпой.

Однажды, когда я учился в третьем классе, она вцепилась в меня, и не где-нибудь, а на улице, и воспитывала сорок минут.

Сашка в это время стоял в сторонке и ел мороженое. Ему в ожидании пришлось съесть три порции.

Чтобы отделаться от неё, я начал икать. Это очень хороший, испытанный способ. Она тебе слово, а ты в ответ «ик». Она сказала, чтобы я перестал. А я в ответ снова «ик». А потом Нина узнала, что это мой способ отделяться, когда воспитывают, и невзлюбила меня. И вот когда теперь она мне заявила: «А я по твою душу, Збандуто», – у меня всё внутри похолодело от предчувствия беды.

– Что это вдруг? – удивился я. – Вроде ещё ничего не случилось.

– Случилось. – Нина загадочно улыбнулась.

Настя повернулась в нашу сторону: это был немаловажный момент.

– Интересно, – тут же стремительно вступил в игру Сашка.

– Ребята, минуту внимания! – сказала Нина. – Во-первых, поздравляю вас с новым учебным годом!

– Уря-а-а! – закричал кто-то тоненьким голосом.

Я воспользовался тем, что Нина отвернулась, подмигнул Насте и сполз под парту.

– А во-вторых... – сказала Нина торжественным голосом.

После этого наступила тишина. Видно, Нина повернулась лицом к нашей парте, а меня нет, а я тью-тью! Сидел себе и похихикивал.

– А где Збандуто? – спросила Нина.

– Не знаю, – ответил Сашка. – Только что был тут.

В этот момент на меня напал чих. Я зажал рукой нос, сморщился и чихнул про себя, но не рассчитал и треснулся головой о парту. Гул пошёл по всему классу. Ясно было, что теперь меня обнаружат.

И действительно, я увидел, что Нина лезет под парту. Я закрыл глаза и откинул голову на скамейку.

– Что с тобой, Збандуто? – участливо спросила Нина.

– Он сомлел, – сказал Сашка. – Здесь душно. Отвык за лето от школьной обстановки.

– Воды, – приказала Нина.

Я слышал, как кто-то услужливо побежал за водой и вернулся обратно. Потом этот кто-то приподнял мою голову и нахально ливанул полграфина воды мне за шиворот.

Тут я вскочил. Ну конечно, передо мной стоял Сашка. В руках у него был графин с водой. Он был очень доволен, потому что вызвал всеобщее веселье. Даже Настя хохотала. По-моему, он унизил меня ради неё. Я бы на его месте так не поступил.

– Ну, как ты себя чувствуешь? – спросила Нина участливо. – Получше?

– Ничего, – сказал я. – Только зачем же лить воду за шиворот? Разве нельзя было просто побрызгать в лицо?

– Хорошо, – сказала Нина, – в следующий раз.

Она надо мной издевалась.

– А теперь, ребята, я вам сообщу новость, – снова торжественно начала Нина. – Совет дружины назначил одного из вас вожатым в первый класс «А». – Она повернулась ко мне и объявила: – Бориса Збандуто.

И тут почему-то поднялся невообразимый шум. Все начали смеяться, а больше всех – мой друг Сашка. Каждый острил как мог, нарочно перевирая мою фамилию.

– Донато! Ха-ха-ха! – закричал Сашка. – Он научит их получать двойки.

– Бандито! Плакали деревья в школьном дворе!

– Надувато! Научи их лупить девочек!

– Бить окна!..

– Играть в расшибалочку!..

Все ребята хохотали, и я тоже не отставал от них. Действительно, какой из меня вожатый!

– Ну, хватит. Посмеялись – и хватит! – серьезно сказала Нина. – Согласен, Збандуто?

– Нет, – ответил я. – У меня профессиональная негодность. Я от волнения заи... заи... заикаюсь.

Ребята снова засмеялись.

– То ты икаешь, – сказала Нина, – то ты заикаешься. Довольно валять дурака. Говори, согласен или нет?

– А что я буду с ними делать? – спросил я.

– Подготовишь в октябрю, – ответила Нина.

– Будешь их сажать на горшки и вытирать носы! – выкрикнул Сашка и посмотрел в спину Насти.

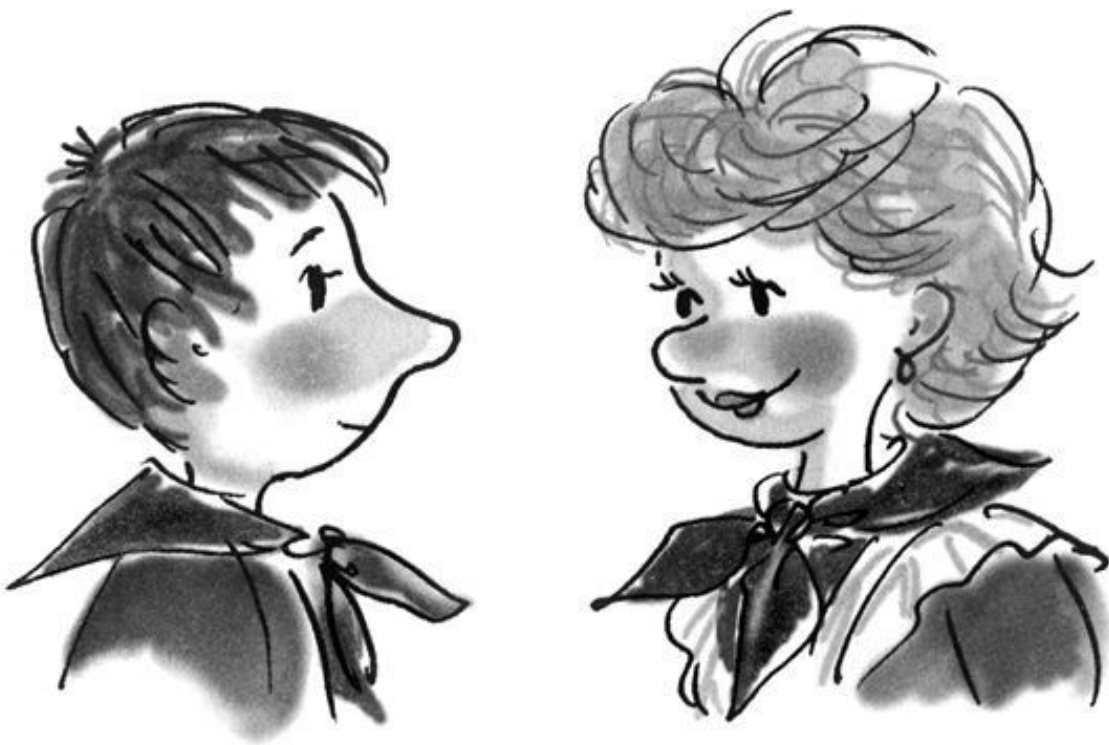
Он явно хотел ей угодить. И тут она оглянулась и сказала те самые слова, которые и втянули меня в эту историю. Потом-то оказалось, что она просто пошутила.

– Что здесь смешного? – сказала она. – Это ведь серьезное дело.

На секунду наши глаза встретились, и я вдруг, к своему величайшему удивлению, услышал собственный голос, который произнёс:

– Я согласен.

- Несчастный Надувато, мне тебя жаль! – Сашка корчился от смеха.
– Может, помолчишь? – спросил я. – А?
– Ну, вот и хорошо, Збандуто, – сказала Нина. – Мы знаем твои слабости, но доверяем. А ты должен оправдать это доверие.
– Можете на меня положиться, – громко ответил я и победно оглядел притихший класс.
– Подумай, о чём ты будешь говорить с ними на первом сборе. Для этого нужна какая-то находка, – предупредила Нина.

По дороге домой я думал о первоклассниках. Мы с ними понаделаем дел. Можно, к примеру, перейти на ускоренное обучение: за год – три класса. Вот будет пожар! Все обалдеют. Может быть, моим методом сможет воспользоваться наша школа или даже вся страна. А можно ещё организовать для них учение во время сна. Они будут ночью спать и учиться, а днём гулять. Чем не жизнь?.. Идеи так и роились в моей голове.

Пусть теперь Н. Монахова скажет, что я ничем не увлекаюсь. Воспитать современного человека, подготовить его для жизни в двадцать первом веке – это поважнее, чем пиццать на флейте.

И тут меня осенило: надо для первой встречи произнести речь. Это будет та самая «находка», о которой говорила Нина.

Я вытащил на ходу из портфеля тетрадь и, остановившись, быстро написал: «Дорогие ребята, пионерская организация...» Дальше у меня почему-то не пошло, хотя сама находка показалась мне блестящей. И, не в силах сдержать радость, я побежал домой, чтобы рассказать обо всём маме.

Дверь мне открыла Полина Харитоньевна. С тех пор как я её спас от неминуемой смерти, она зачастила к нам: пьёт с нами чай или обедает. Ей нравилось, что из наших окон хорошо видно, кто куда пошёл, кто что понёс, кто как одет. Мама её жалела и говорила, что в ней, в Полине Харитоньевне, сильны пережитки прошлого, что она из буржуазной среды. Конечно, ей ведь восемьдесят лет.

Вид у Полины Харитоньевны был испуганный, особенно в этом странном салопе, который она натянула на себя. А в тот момент, когда она открыла дверь, меня как раз снова посетило вдохновение, и я выпалил ей прямо в лицо продолжение своей речи.

– Дорогие ребята! – крикнул я торжественно-торжественно. Я теперь начинал понимать Нину. – Пионерская организация, известная своим благородством...

– Что-нибудь случилось? – спросила Полина Харитоньевна, отступая.

– Случилось, – ответил я.

– Что? – Полина Харитоньевна всего боялась.

– Меня назначили вожатым! – крикнул я и пролетел мимо неё в комнату, чтобы записать продолжение речи.

Она вошла следом за мной:

– Вожатым? Тебя?

Я вырвал листок из тетради и быстро стал записывать речь.

– В первый класс «А», – ответил я.

– Ну, что ж, Бока, теперь ты должен будешь показывать пример другим.

– Не называйте меня больше Бокой, – попросил я, – я уже не маленький.

– Хорошо, – согласилась Полина Харитоньевна. – Может быть, пообедаешь?

– Нет, – твёрдо ответил я, – я буду сочинять речь... и развивать силу воли. Волевой человек может добиться чего угодно.

Я склонился к столу, потому что почувствовал, что меня опять осенило.

В это время хлопнула входная дверь. Пришла мама. Я выскочил ей навстречу.

– Мама! – закричал я. – У меня хорошая новость!

– Тише, тише, не кричи так, – попросила она.

– Меня назначили вожатым в первый класс, – с ходу перешёл я на шёпот.

Мама скептически поджала губы. До чего же всё-таки взрослые скучный народ! Я думал, она закачается или хотя бы улыбнётся. Ну ничего, когда она узнает, какие я задумал дела, поверит в меня.

– Только не называй меня больше Бокой, – предупредил я и удалился в свою комнату.

Речь была написана, и теперь, нежно разглаживая эту драгоценную бумагу, я учил её наизусть.

– «Дорогие ребята! Пионерская организация, известная своими славными делами, прислала меня к вам, нашим младшим товарищам...»

Я перестал читать, подкрался к двери и приложил ухо к замочной скважине, чтобы послушать, что обо мне говорят мама и Полина Харитоньевна.

– Неужели исправится? – долетел до меня голос мамы. – Неужели возьмётся за ум?

– А что вы думаете, – ответила Полина Харитоньевна. – Обещал развивать силу воли.

– Боже мой! – вздохнула мама. – Чего он только не обещал развивать: и силу воли, и память, и внимательность, и не лгать, и не драться, и, наконец, помогать мне!

Я решил напомнить о себе и прокричал в замочную скважину:

– «Чтобы я закалил вас и подготовил нам достойную смену...» – На слове «смена» у меня сорвался голос, и получилось не очень красиво.

Тем не менее я прильнул глазом к скважине: Полина Харитоньевна и мама были передо мной как на ладони. Представьте, они с аппетитом обедали, пока я страдал на благо общества. Я с возмущением открыл дверь.

– А, Бока, – сказала мама. – Может быть, всё же пообедаешь?

– Опять «Бока»! – возмутился я. – Это, наконец, надоело.

Но за стол я сел. От этой речи я здорово проголодался.

После обеда я вновь вернулся к своей работе. Пробежал речь глазами и остался доволен. Вот только нет в ней упоминания о мужестве. Вставил в нескольких местах слово «мужество».

– Борька! – крикнул кто-то за окном. – Збандуто!

Я узнал Сашкин голос.

«А-а-а, притащился! – подумал я. – Ну покричи, покричи. Только теперь мне не до тебя. Я занят серьёзным делом, это тебе не этюды для флейты».

– «Дорогие ребята! Пионерская организация, известная своим мужеством, прислала меня к вам, нашим младшим товарищам, мужественным, мужественным...» – продолжал я повторять одно слово, как испорченный проигрыватель, явно выжидая, позовёт меня Сашка ещё или нет.

Нет, не зовёт. Неужели ушёл? Предатель! Бросает друга в трудную минуту! Чтобы убедиться, что Сашка действительно предатель, я подошёл к окну – мы живём на первом этаже – и открыл его.

Сашка стоял на своём обычном месте.

– Ну, скоро ты? – спросил он.

– Не мешай, – ответил я. – Я занят.

– А как же я? – удивился Сашка. – Что же мне делать в полном одиночестве?

– Действительно, – я посмотрел на его постную физиономию, – а как же ты? – и, не раздумывая, полез в окно.

От сквозняка совсем некстати широко распахнулась дверь, и мама с Полиной Харитоновной увидели меня сидящим верхом на подоконнике.

– Ты куда? – закричала мама. – А как же твоя речь?

– Ничего, – ответил я, – даже министры читают свои речи по бумаге, – и прыгнул вниз.

Через несколько дней, когда все ребята и я, между прочим, уже забыли, что меня назначили вожатым, в нашем классе появились две маленькие девочки. Все, конечно, тотчас установились на них. Это ведь необычное событие.

А я в это время стоял на голове на спор с Сашкой. Стоял, поглядывал на Настю и болтал ногами. На этот раз победителем выходил я. Сашка отстоял до ста, а я пошёл на вторую сотню. Между прочим, это полезно. Только учителя этого не понимают. Говорят – хулиганство. А как же йоги?

Да, наша дружба с Сашкой из-за Насти зашла в тупик. С ним творится что-то невозможное. Он преследует меня днём и ночью (во сне).

Сегодня мне приснилось, что он, Сашка, уже генерал и Настя выходит за него замуж. Я проснулся в холодном поту.

Каждый раз, когда я обращаюсь к Насте, его вечно розовое лицо с двумя спелыми помидорами вместо щёк делается бледным, как у мертвеца. Насколько я понимаю, это ревность. Хорошо, что он мне приснился с нормальным лицом, а то я закричал бы и разбудил маму. Я всегда кричу, когда мне снится что-нибудь страшное.

Чем это всё кончится, не знаю. Из-за ревности и не такие люди погибали. Говорят, раньше многие из-за этого пускали пулю в лоб или сердце. Надеюсь, Сашка не последует этому глупому примеру. Я же изо всех сил старался облегчить его страдания. Вчера угостил его двумя стаканами сока на выбор, истратив ещё шестьдесят копеек из бывшей десятки. Причём сам я выпил стакан чистой газированной воды за копейку!

– Чего вам надобно, крошки? – спросил Сашка.

– Нам нужен Боря З... – Девочка покраснела, ей трудно было выговорить мою фамилию. А вторая ей помогла:

– Занудо...

Все только этого и ждали и сразу засмеялись.

Я догадался, что это девчонки из первого «А», вскочил на ноги и стал незаметно вытеснять их из класса.

– Это я и есть. Только я не Занудо, а Скандуто, – переврал я свою фамилию.

– Извините, – сказали девчонки в два голоса. – Мы из первого «А». Вы наш вожатый. Мы вас ждём уже неделю.

К нам подскочил Сашка, загородил меня от девчонок и крикнул:

– Бегите, детки, он вас съест. Он Серый Волк! – Он дёрнул одну из них за косу.

Все стали хохотать ещё больше.

Я подумал, что Сашка их сейчас доконает и они убегут, но тут вмешалась Настя и всю игру спутала.

– Перестаньте, – сказала она. – Борис, что же ты?

И действительно, мне стало стыдно. Что это я? Ведь я сам не люблю, когда над другими издеваются.

– Послушай, Красная Шапочка... – многозначительно произнёс я. – Мы же разговариваем, – отстранил Сашку рукой и сказал: – Я приду к вам. Сегодня. После уроков. Будет сбор. Я уже речь написал.

Вот так-то. Знай наших!

После уроков я заметил, что Сашка необычно быстро собирает портфель. Его поспешность мне была ясна, я видел, куда он косит глаза.

В это время Настя вышла из класса. Я выскочил следом за ней.

– Привет! – крикнул на ходу Сашка, обгоняя меня в коридоре.

Встретились мы на первом этаже около библиотеки.

Когда он увидел меня, то прикинулся, что ничего не видит, и хотел пройти мимо. А я, видно тоже от смущения, подставил ему ножку, и он растянулся во весь рост.

– Ты что, – взревел он, вскакивая, – обалдел? – и трахнул меня портфелем.

Я в ответ тоже. В результате у нас вышла настоящая современная дуэль. Из-за женщины, потому что каждому из нас было ясно, чего мы здесь околачиваемся.

А тут появилась и сама виновница нашего поединка. Она вышла из библиотеки.

– Чего это вы дерётесь? – спросила Настя. – А ещё друзья!

– У нас дружеская драка, – сказал Сашка, зло поглядывая на меня.

– Разминка после уроков, – поддержал я.

А в следующий момент произошло нечто неожиданное: в одном из классов открылась дверь, в неё просунулась голова какого-то малыша, который, увидя меня, издал оглушительный победный клич:

– Ребята! Боря при-щё-о-ол!

Стремительно, как будто их выпустили из катапульты, из класса вылетела толпа детей и дикой ордой устремилась на меня. Они смотрели на меня с немим восхищением, как на бегемота в зоопарке.

Через секунду Настя и Сашка оказались оттеснёнными в дальний угол.

Я криво улыбнулся. Я совсем забыл, что обещал к ним прийти, и смущённо сказал:

– Давайте пойдём в класс. Там мы будем в своей тарелке.

– Пошли в свою тарелку! – крикнул какой-то находчивый малыш.

– Пошли! Пошли! – загалдели остальные.

В классе ребята уселись за парты и притихли.

На доске большими печатными буквами было выведено: «БОРЕ УРА!»

– Ну, это уж слишком, – сказал я и стёр надпись.

Откашлялся, дрожащими руками разгладил на учительском столе листок с речью и начал:

– «Дорогие ребята! – Голос у меня был странный, дребезжал, как старый репродуктор: – Пионерская... организация... всем известная...»

Я легкомысленно оторвал руку, придерживавшую листок, а лёгкий ветерок, ворвавшись в открытую форточку, взметнул мою драгоценнейшую речь, унёс с учительского стола и уронил на пол.

Я проследил за ней тупым взглядом, но поднять не решился.

– «Пионерская организация, всем известная...» – начал я наизусть и замолчал. Слова окончательно вылетели у меня из головы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.